

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.А. Уберский

**Памяти профессора
Василия Васильевича Болотова**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 9. С. 265-277.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Памяти профессора Василя Васильевича Болотова *).

X.

ВСЕ богословское образованіе въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ основано на изученіи классическихъ языковъ. Помимо педагогическаго значенія, эти богатѣйшіе языки въ мірѣ являются священнѣйшими языками всей христіанской церкви. «Обоимъ классическимъ языкамъ, особенно же греческому, суждено было стать орудіемъ распространенія, утвержденія и всесторонняго внутренняго развитія христіанства, такъ что безъ этихъ языковъ нельзя имѣть прямого доступа къ источникамъ христіанскаго вѣроученія, правоученія и богослуженія» ¹⁾. Не владѣть этими языками — значитъ удалить себя отъ богатыхъ сокровищъ твореній св. отцовъ, составленныхъ ими церковныхъ каноническихъ и молитвъ и вообще источниковъ византійской исторіи, знакомиться съ которыми въ подлинникахъ является необходимою какъ для ученыхъ изслѣдователей, такъ и для просвѣщенныхъ пастырей. Да и въ дѣлѣ общаго образованія безъ знанія этихъ языковъ едва ли возможно изученіе даже родныхъ намъ — русскаго и славянскаго, — которые развились подъ вліяніемъ языка греческаго. Поэтому, въ интересахъ духовнаго просвѣщенія изученіе этихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ представляется дѣломъ настоятельной необходимости.

*) Продолженіе. См. іюль.

¹⁾ *А. П. Георгіевскій*. Предположенная реформа вашей средней школы. СПб. 1901, стр. 9. Ср. *М. Н. Катковъ*. Наша учебная реформа. Москва. 1890 г., изд. С. Н. Фишеръ.

Въ виду такого значенія классическихъ языковъ, академическимъ дѣятелямъ съ 1848 года слишкомъ пол-вѣка пришлось потрудиться надъ изысканіемъ мѣръ къ усиленію изученія этихъ языковъ и улучшенію методовъ ихъ преподаванія въ академіяхъ и семинаріяхъ¹⁾. Академіи не могутъ смотрѣть на эти языки, какъ на вспомогательное средство только для богословскихъ наукъ, такъ какъ академіямъ приходится имѣть цѣлю не только знакомить своихъ питомцевъ съ первоисточниками по богословскимъ предметамъ, но и готовить учителей по классическимъ языкамъ въ духовныя семинаріи. Для достиженія первой цѣли нужно расширить то знакомство воспитанниковъ съ языками, какое получено ими въ семинаріяхъ, а для второй—нужно дать основательное специальное филологическое образованіе—приготовить учителей-филологовъ. Но для духовныхъ академій, какъ заведеній по преимуществу богословскихъ, объединить двѣ эти задачи и разрѣшить ихъ на практикѣ невозможно безъ надлежащей реформы въ этомъ дѣлѣ. Можно надѣяться, что сравнительное языковѣдѣніе, давшее о себѣ знать въ настоящее время своими плодотворными результатами, измѣнить и въ духовныхъ семинаріяхъ устарѣвшіе методы преподаванія классическихъ языковъ и несомнѣнно будетъ способствовать возвышенію общаго образованія и въ духовныхъ академіяхъ.

Въ настоящее время, когда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія предпринята реформа въ смыслѣ уничтоженія изученія классическихъ языковъ, и когда въ духовномъ вѣдомствѣ раздаются голоса объ уменьшеніи изученія и даже отбѣнѣ этихъ языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ,—является интереснымъ взглядъ Василія Васильевича на этотъ предметъ.

Этотъ его взглядъ прежде всего виденъ изъ его отчетовъ о пріемныхъ экзаменахъ въ академіи по общей церковной исторіи, на которыхъ онъ имѣлъ иногда цѣлю уяснить необходимую правоспособность испытуемыхъ къ научнымъ занятіямъ богословскимъ. Для этого онъ имѣлъ обыкновеніе послѣ устнаго отвѣта на вопросъ изъ учебника предлагать экзаменуемымъ небольшія карточки на греческомъ и латинскомъ языкахъ съ выписками характерныхъ богословскихъ выраженій,

¹⁾ Журналъ Совѣта Сиб. дух. академіи за 1875 г., стр. 178, 180 и 183. 184.

по которымъ они опредѣляли, православно или не православно излагаемое ученіе и противъ кого оно направлено. Въ одномъ изъ этихъ отчетовъ Василій Васильевичъ пишетъ:

„Выписанныя мѣста (т. е. изложенные на греческомъ и латинскомъ языкахъ вѣроопредѣленія) были неодинаково легки; но въ общемъ карточки согласно показали, что экзаменовавшіеся далеко не были господами своихъ свѣдѣній и не все продумали, что запомнили. Правда, около 20 экзаменовавшихся (изъ 69) дали отвѣты вполнѣ правильные“. „Вѣроятно, часть этихъ неудачныхъ отвѣтовъ нужно отнести на счетъ неудовлетворительнаго знанія греческаго и латинскаго языковъ. Но если можно дѣлать какое-либо заключеніе изъ ограниченнаго числа наблюдений, семинаристы лучше подготовлены къ чтенію латинскихъ и греческихъ памятниковъ христіанской литературы, чѣмъ гимназисты“¹⁾.

Въ другомъ отчетѣ за 1894 годъ Василій Васильевичъ также констатируетъ скудость лингвистическихъ знаній испытуемыхъ:

„Были отвѣты дѣльные, пишетъ Василій Васильевичъ, но неудачные преобладали. Безъ труда угадывали даже послѣ устнаго отвѣта, далеко неблестящаго, цитаты слишкомъ откровенныя (понимали, напр., что выписано мѣсто изъ ватиканскаго декрета или изъ ученія пелагіанъ). Но мѣста съ цѣлкомъ болѣе тонкаго оттѣнка были далеко не всѣмъ подъ силу. Изъ 5 отвѣчавшихъ лишь 2 были въ состояніи опредѣлить, что излагаемое воззрѣніе (христіанское) принадлежитъ аріанамъ, а не Аполлинару. Изъ 4 отвѣчавшихъ ни одинъ не понималъ, что слова (о крещеніи младенцевъ) направлены не противъ пелагіанъ, а принадлежатъ самимъ пелагіанамъ (догматическій оттѣнокъ былъ выраженъ чрезвычайно—впрочемъ—тонко и уклончиво). Но были ошибки и очень грубыя. Искаженное ученіе (иконолатрія) приписывали отцамъ VII вселенскаго собора. Подлинныя слова Евтихія принимали за обличеніе ему.

Главная вина въ этихъ недочетахъ лежитъ однако не на слабости догматическаго разумѣнія испытуемыхъ, а на скудости ихъ лингвистическихъ знаній. Очевидно, книга на греческомъ или латинскомъ языкѣ лишь для очень немногихъ изъ нихъ можетъ быть предметомъ для чтенія. Большинству же предстоитъ тяжкій, еле посылный трудъ перевода изъ нея нѣсколькихъ строчекъ,—едва ли страницъ,—въ цѣлые часы. И лексиконы для такого труда потребовались бы въ такомъ количествѣ, что и самая богатая бібліотека не въ состояніи была бы удовлетворить спросу. Съ этой стороны испытуемые

¹⁾ Журналы Совѣта Спб. дух. академіи за 1890—1 уч. г. Спб. 1896, стр. 33.

оказываются слабо подготовленными къ научнымъ занятіямъ богословіемъ. Это можно пояснить наглядно однимъ примѣромъ. Казалось, что въ цитатѣ, начинающейся словами: „Ἐλήλυθας ἐκ Παρθένου σὺ πρέσβυς οὐκ ἄγγελος“ всякій угадаетъ знакомый текстъ прмоса: „Пришель еси отъ Дѣвы“. Однако нѣсколько экзаменующихся оказались не въ силахъ опредѣлить полемическую тенденцію этого прмоса—потому, что не умѣли перевести словъ „ἐλήλυθας и πρέσβυς“ (первое переводили: „принялъ“, второе „старецъ“), и даже когда славянское начало прмоса было имъ подсказано, они не умѣли продолжить его (все изъ-за мудренаго „πρέσβυς“). Греческое „ὄλον“ („всего ли человѣка“) такъ мало говорило ихъ уму, что они не видѣли въ немъ ничего другого, кромѣ истины, что Иисусъ Христосъ *всѣмъ* человѣкамъ хочетъ спастися“.

Но болѣе подробный взглядъ на дѣйствительное значеніе классическихъ языковъ для духовно-учебныхъ заведеній и на причины фактической безплодности ихъ преподаванія Василій Васильевичъ изложилъ въ особой запискѣ слѣдующаго содержания:

1. „Духовная школа можетъ подвергаться нареканіямъ, между прочимъ, и за такіе недочеты, за которые ея дѣятели не могутъ быть отвѣтственны. И въ прошломъ дѣйствовали и въ настоящее время—ко вреду для дѣла—дѣйствуютъ такіе причины, устранить которыя можетъ только власть, стоящая несравненно выше и ректоровъ и профессоровъ.“

2. „Успѣхи духовныхъ академій стоятъ въ цѣпнѣнѣйшей связи съ успѣхами, которыхъ фактически достигаютъ семинаріи. Академіи не могутъ не требовать, чтобы съ аттестатами „студента“ проникали въ академіи личности, способныя съ дѣйствительнымъ интересомъ отнестись къ наукамъ въ ихъ высшей постановкѣ“.

3. „Въ семинаріяхъ существовало когда-то „чтеніе отцевъ церкви по-гречески“. Я формулировалъ бы нѣсколько шире: „чтеніе греческихъ отцевъ церкви по-гречески и латинскихъ по латыни“. Этотъ предметъ—съ академической точки зрѣнія—есть квинтъ—эссенція семинарскаго курса, истинное *testimonium maturitatis* студента богословія“. „Не зрѣлый“ не прочтетъ отца церкви въ подлинникѣ или потому, что самое содержаніе отеческихъ писаній окажется непонятнымъ плохо подготовленному „богослову“, или же потому, что самый языкъ отцевъ намъ покажется „грамотою не при насъ писанною“.

4. „Одинъ изъ важныхъ догматическихъ памятниковъ православія начинается словами: „Послѣдующе божественнымъ отцемъ“. Уже это одно сообщаетъ „чтенію отцевъ церкви по-гречески“ значеніе интегральной части самаго православія. Много ли „мѣдныхъ монетъ“ можно дать за нравственную крѣпость такой семейки, гдѣ дѣти не понимаютъ языка своихъ родителей? И православный „богословъ“ *долженъ пони-*

мать языкъ отцевъ церкви, чтобы имѣть реальную возможность слѣдовать ихъ подлинному ученію.

Русская церковная жизнь дала намъ жестокіе уроки. Припомнимъ лишь: „аще кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христосъ: да будетъ проклятъ, *святѣи отцы рекоша*“. Невѣжда, возмнившій, что онъ послѣдуетъ божественнымъ отцамъ, можетъ быть прямо ужасенъ.

5. „Съ точки зрѣнія академическихъ интересовъ я считалъ бы цѣлесообразнымъ поставить „чтеніе св. отцевъ въ подлинникѣ à livre ouvert во главу угла на приѣмныхъ академическихъ испытаніяхъ. Этотъ повѣрочный экзаменъ слѣдовало бы поставить прежде всѣхъ другихъ,—и лицъ, получившихъ по чтенію отцевъ какъ греческихъ такъ и латинскихъ на академическомъ экзаменѣ средній баллъ менѣе $3\frac{3}{4}$, прямо устранивать отъ остальныхъ испытаній“.

6. „Было бы странно игнорировать, что съ преуспѣяніемъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ дѣло въ семинаріяхъ обстоитъ далеко не благополучно. Не семинаріи въ этомъ виноваты. Въ отвѣтъ на усилія духовной школы жизнь несла мутныя волны своего разврата. Развѣ возможно семинаристовъ, юношей въ 20 лѣтъ, удержать въ такомъ невѣдѣннѣ счастливомъ, чтобы для нихъ осталось совершеннымъ секретомъ, что въ ихъ родномъ уѣздѣ, если не селѣ,—есть пастыри, которые греческій языкъ позабыли чуть не до алфавита включительно, и однако это не мѣшаетъ имъ считаться, даже быть почтенными дѣятелями на нивѣ Господней? Жизнь, слѣдовательно, не позволяетъ духовнымъ дѣятелямъ не угашать того духа, того свѣта, который вложило въ нихъ скромное семинарское образованіе. Та же жизнь ждетъ и учащихся семинаристовъ. Кто же броситъ въ нихъ камень за то, что они еще на школьной скамьѣ составляютъ себѣ мнѣніе, что греческій и латинскій языкъ не пользуется ничтоже?“

7. „Но горькій конецъ еще не въ этомъ. Допустимъ, что семинаристы изучили оба классическіе языка совершенно удовлетворительно. Является вопросъ: что они станутъ читать по-гречески и по-латыни по выходѣ изъ школы? Классическіе авторы изъ Bibliotheca Teubneriana сравнительно дешевы (хотя и они очень дороги для скуднаго кошелека большинства сельскихъ священниковъ). Но можно ли поставить въ виду священнику, если его ни Демосѣены и Цицероны, ни Омиры и Виргиліи не интересуютъ, и онъ пожелаетъ читать св. отцевъ? Но именно святоотеческія творенія и недостижимы для него, какъ „высота небесная“. Старыя бенедиктинскія „Orega omnia“ страшно дороги. Новыхъ изданій отдѣльныхъ свв. отеческихъ твореній заграницею вовсе нѣтъ. И конечно не русскіе священники, съ ихъ скромными доходами, составятъ такой общій контингентъ покупателей свято-отеческихъ твореній, что Тейбнеры и Таухницы признаютъ достаточно коммерчески выгоднымъ припяться за переизданія отдѣльныхъ тво-

реній святыхъ отцевъ. Что же удивительнаго, если духовная школа оказывается безсильною въ борьбѣ противъ такого „положенія вещей“, лежанью которыхъ и конца не предвидится.

Наполните консерваторію профессорами на подборъ все съ талантами и—что важнѣе—со славою Рубинштейновъ, но объявите питомцамъ, что, по выходѣ изъ школы, скрипачи не увидятъ ни смычка, ни скрипки, піанисты вовѣки не дотронутся пальцами до клавишей,—и консерваторія потерпитъ *fiasco*. Заведите на всѣхъ Шницбергенахъ самое образцовое преподаваніе виноградарскаго искусства,—въ Соловкахъ все равно не вырастутъ виноградники.

8. „А между тѣмъ это упорное отсутствіе „предложенія“ книги въ Россіи, убивающее самую возможность спроса на нее, не позорно ли для Россіи?“

Всякій ли священникъ окажется у насъ на высотѣ своего призванія, если какой прихожанинъ предложитъ ему рядъ такихъ, напр., вопросовъ:

а) что значитъ: „возниспослетъ намъ божественную благодать?“ Мы славу возсылаемъ Богу, а Богъ ниспосылаетъ, здѣсь же стоитъ: „возниспослетъ“.

б) что значитъ такое явленіе: въ прмосѣ 4 пѣсни воскреснаго канона 2 гласа поютъ: „Пришелъ еси отъ дѣвы *не ходатай*, не ангелъ“, а спустя нѣсколько минутъ въ прмосѣ 5-й пѣсни того же самаго канона мы слышимъ: „*Ходатай* Бога и челоуѣковъ былъ еси, Христе Боже?“ Случай весьма назидательный—для того, кто воображаетъ, что подобныя коллизіи можно устранить *исправленіемъ наличнаго славянскаго перевода*. Здѣсь пришлось бы начать ломкою самыхъ употребительныхъ терминовъ богословскаго языка.

в) Что значатъ слова: „расторгнемъ стропотная нужныхъ измѣненій“ (въ стихирѣ: „Постыщися, братіе, тѣлесно“) etc. etc. etc.

Допустимъ, что приходскій пастырь даетъ на эти вопросы отвѣты; но будетъ ли это достойно честности его пресвитерства? Вѣдь, если онъ отвѣтитъ, даже и вѣрно, но не прочитавъ греческаго текста темныхъ мѣстъ, онъ отвѣтитъ *только наугадъ*, т. е. со *ipso* низведетъ себя въ разрядъ адептовъ той іезуитской морали, которая вмѣсто точной истины умѣетъ довольствоваться и приблизительнымъ правдоподобіемъ“.

9. Наличный порядокъ вещей, думаю, есть только безпорядокъ, подлежащій устраненію. При каждой, даже небогатой приходской церкви въ „діаконикѣ“, въ шкафѣ, должны бы стоять богослужебныя книги на греческомъ языкѣ, чтобы серьезно относящійся къ своему положенію пресвитеръ, при всякой встрѣчѣ съ подобными недоумѣнными выраженіями, могъ въ тотъ же день выяснить, въ чемъ здѣсь дѣло.

10. Кромѣ книгъ богослужебнаго круга, въ этихъ церковныхъ бібліотекахъ могли бы найти мѣсто и томики отдѣль-

ныхъ твореній св. отцевъ въ подлинникѣ... Такъ называемая благодѣтельная гласность поднимала не разъ и вой и плачь по поводу рецидивизма безграмотности, наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ бывшихъ питомцахъ элементарной народной школы. Поговариваютъ о церковной библиотекѣ для народа. А легче ли рецидивизмъ малограмотности, на который нашъ житейскій укладъ обрекаетъ самого священника? И гдѣ достойныя церковныя библиотеки для самихъ священниковъ?

11. Ставлю вопросъ о перепечаткѣ святоотеческихъ подлинныхъ твореній въ Россіи намѣренно широко. Можетъ быть и это предпріятіе, если поставить его en grand, обойдется „оптомъ дешевле“ и пригодится и не для тѣсныхъ рамокъ академическаго быта. Къ нему теперь и обращаюсь.

12. Легко предположить, что студентъ семинаріи, положившій хотя только основанія къ тому, чтобы быть подготовленнымъ къ усвоенію высшихъ богословскихъ наукъ, поступаетъ въ духовныя академіи, и послѣднія обязаны отвѣтить на его научные запросы и обильно насытить его пищею святоотеческихъ писаній. Сѣтованія, что въ академіяхъ стоитъ дѣло какъ будто не такъ, раздавались чуть ли даже не на столбцахъ газетъ, въ богословіи совѣмъ не повинныхъ. Очевидно, писатели этого типа и не подозреваютъ, что на ихъ драгоценныя совѣты академія имѣетъ не только право, но и долгъ отвѣтить словами: *ultra posse nemo obligatur*. Академіи лишены возможности поставить дѣло чтенія святоотеческихъ твореній студентами сколько-нибудь систематически. Причина указана уже выше. Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ слѣда отдѣльныхъ изданій святоотеческихъ твореній въ подлинникѣ, книжечками въ 2—3 печатные листа. Т. е. никто еще не позаботился удовлетворить одной изъ существенныхъ потребностей высшаго духовнаго просвѣщенія. Толковать о возвышенныхъ принципахъ несомнѣнно легче, чѣмъ уразумѣть практическую сторону дѣла. Св. отцевъ издавали во дни оны бенедиктинцы, но издавали какъ въ видѣ *Opera omnia*, такъ и въ видѣ пренеудобныхъ фоліантовъ. Эти *Opera omnia* очень дороги и потому въ самой богатой библиотекѣ имѣются въ одномъ-двухъ экземплярахъ. Между тѣмъ нормальный планъ академіи рассчитанъ на 30 студентовъ. А разныя житейскія обстоятельства повели къ тому, что каждый годъ въ академіи попадетъ вмѣсто 30 слушателей по 50 и болѣе. Если студентъ А. взялъ первый томъ твореній Аѳанасія Великаго съ тѣмъ, чтобы прочесть его слова о воплощеніи Бога Слова, то тѣмъ самымъ онъ лишаетъ студента Б. возможности навести справку въ *Apologia ad Constantium*, студента В. прочесть *Apologia de fuga*, студента Г. ознакомиться съ *Historia aryanorum ad solitarios*, такъ какъ всѣ эти творенія св. отца помѣщены въ томъ же I томѣ. А затѣмъ раскрытый на столѣ фоліантъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ сколько полагается на одного студента.

Правда эти фоліанты перепечатаны уже въ довольно удобныхъ квартантахъ Патрологіи Миня. Но къ сожалѣнію почтенный abbé, боровшійся со всяческими пренятствіями, воспользовался для своего изданія бумагою, хуже которой повидимому во всемъ Парижѣ въ 1857 г. найти было невозможно. Поэтому академическая библіотека имѣетъ право выдавать томы Патрологіи не во всякія руки. А затѣмъ, вполне естественно, что Патрологія большею частію находится на рукахъ у академическихъ преподавателей. Какъ бы строго ни относиться къ профессорамъ, которые не имѣютъ своей ученой библіотеки, изъ за *Patrologiae Cursus Completus* на нихъ не можетъ пасть никакой укоризны уже просто потому, что въ 1875 г., когда Migne померъ, большая часть ихъ сидѣли кто на академической, кто на школьной скамьѣ. А *Patrologia* еще при жизни издателя сдѣлалась величайшею библиографическою рѣдкостью⁴.

Съ практической точки зрѣнія много можно сдѣлать и дѣйствительно дѣлають, возраженій противъ изученія классическихъ языковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. — Напр., одинъ священникъ А. С. въ своей статьѣ въ «Недѣля» за 1901 г.: «Во что обходится Россіи изученіе классическихъ языковъ», между прочимъ, писалъ, — что «древніе языки, по совѣсти говоря, ни на что не нужны въ жизни. Развѣ лишь медикамъ можетъ понадобиться латынь для писанія рецептовъ; но для того, чтобы умѣть писать по латыни названіе лѣкарствъ, достаточно было бы взять нѣсколько уроковъ латинскаго языка, уже приступивши къ изученію медицины, а не мучить имъ всѣхъ безъ исключенія гимназистовъ въ теченіе 10 лѣтъ»¹). Или еще тотъ же авторъ возражаетъ противъ изученія языковъ: «Слышалъ ли ктонибудь, чтобы епархіальные архіереи, училищные совѣты и отдѣленія ихъ, епархіальные и уѣздные наблюдатели, миссіонеры и другія власти интересовались: знаетъ ли подвѣдомственное имъ духовенство латинскій и греческій языки, или нѣтъ? Значитъ, всѣ они считаютъ ихъ ненужными для приходскаго духовенства. Зачѣмъ же тогда изучать ихъ? Во многихъ епархіяхъ (напр., Х. и Н-кой) священники, не обремененные классическими (да и другими познаніями), почему то получаютъ даже лучшія мѣста и дѣлаются благочинными. Вѣдь архіерей можетъ, по своему усмотрѣнію, предоставить любое мѣсто въ епархіи и назначить благочиннымъ простого священника, хотя бы изъ

¹) „Недѣля“ за 1901 г. № 10, стр. 361.

третьяго класса духовнаго училища и подчинить ему городскихъ священниковъ и протоіереевъ—кандидатовъ и магистровъ богословія. И это, говорятъ, случилось недавно въ одномъ университетскомъ городѣ»¹⁾. Но если все это, какъ свидѣтельствуеъ батюшка, и бываетъ въ жизни, то не значить, что такъ и должно быть и что классическими языками нельзя пользоваться. Все зависитъ отъ правильной постановки этого дѣла, а значеніе древнихъ языковъ для духовныхъ школъ безспорно.

XI.

Какъ видно уже изъ представленнаго нами очерка дѣятельности Василія Васильевича, онъ сдѣлалъ капитальные вклады во внутреннюю жизнь академіи и указывалъ то направленіе, какому она должна слѣдовать въ своихъ работахъ и въ своей жизни. Не можемъ здѣсь не отмѣтить еще одного изъ этихъ вкладовъ, послужившаго къ возвышенію научныхъ интересовъ академіи.

Нельзя соизмѣрять плодотворность дѣятельности академіи количествомъ выходящихъ изъ нихъ ученыхъ диссертацийъ. Во всякомъ дѣлѣ прежде всего цѣнится качество предмета. Такъ и по отношенію къ ученымъ диссертациямъ: установить принципъ—какихъ ученыхъ достоинствъ онѣ должны быть—и составляетъ одну изъ задачъ духовныхъ академій. Тѣмъ болѣе это необходимо, что какихъ либо руководственныхъ узаконеній и правилъ на этотъ предметъ не существуетъ ни въ академическомъ уставѣ, ни въ объяснительной запискѣ. По § 142 устава духовныхъ академій, напр., для полученія ученой степени доктора только требуется сочиненіе, но не указывается какихъ достоинствъ оно должно быть. Академическій же *usus* въ этомъ отношеніи бывалъ различенъ и измѣчивъ отъ жизненныхъ условій. Сказать «достойно» или «не достойно» извѣстное сочиненіе докторской степени, по существующимъ правиламъ, зависитъ собственно отъ личныхъ взглядовъ рецензентовъ, на основаніи заключенія которыхъ академическіе Совѣты и составляютъ свое рѣшеніе. Какимъ же критеріемъ истинной учености должны руководиться эти рецензенты, чтобы сказать свое безпристрастное мнѣніе объ извѣстномъ сочиненіи,

¹⁾ Тамъ же, стр. 364.

въ руководительныхъ академическихъ правилахъ нигдѣ не сказано. Съ другой стороны, можно ли удостоивать этой степени за совокупность трудовъ автора, и не будетъ ли это противорѣчимъ съ требованіемъ § 142 устава и какими научными основаціями можно оправдать это? Всѣ эти вопросы академической жизни и разъяснилъ Василій Васильевичъ въ нѣкоторыхъ своихъ отзывахъ о тѣхъ докторскихъ диссертацияхъ, о которыхъ ему приходилось давать свое заключеніе. Въ несомнѣнную заслугу здѣсь нужно поставить то, что онъ попытался установить приблизительно тѣ требованія, которымъ должна соответствовать докторская диссертация.

Вотъ эти требованія:

„§ 142 устава духовныхъ академій требуетъ отъ докторанта представленія „диссертации или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію полученія оной степени“. По обычному пониманію, сочиненіе или диссертация должна представлять нѣчто единое, законченное и цѣльное. А понятіе диссертации докторской, какъ представляемой на соисканіе высшей ученой степени, естественно заставляетъ ожидать, что въ такомъ сочиненіи научность представлена на высшей достижимой для автора степени развитія, что ученныя средства применены имъ здѣсь самымъ широкимъ и полнымъ образомъ“¹⁾.

„Во всякой докторской диссертации самое трудное—выборъ темы, допускающей разработку дѣйствительно докторскую“²⁾.

„Въ сочиненіи ученомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова предполагается: а) глубокая эрудиція и б) научный методъ.“

а) Въ первомъ отношеніи разумѣется само собою, что ученый стоитъ на высотѣ спеціального современнаго изслѣдованія его вопроса, т. е. какъ новѣйшія монографіи и другія изслѣдованія, такъ и болѣе цѣнныя работы старинныхъ ученыхъ (если уже не вся относящаяся литература въ полномъ составѣ) ему извѣстны и дѣйствительно имъ употреблены въ дѣло въ его изслѣдованіи.

б) Во второмъ отношеніи я разумью:

аа) по содержанію: научную постановку вопроса и выдержанность приемовъ изслѣдованія.

бб) по внѣшности: безукоризненную технику.

Со стороны содержательной (аа) въ отношеніи, напр., къ

¹⁾ Отзывъ Василя Васильевича о сочиненіяхъ проф. Н. И. Барсова, представленныхъ на соисканіе ученой степени доктора. Архивъ Совѣта Сиб. дух. академіи. 1889 г., дѣло № 33.

²⁾ Журналъ Совѣта Сиб. дух. академіи за 1899—1900 г. Сиб. 1902 г., стр. 201.

гомилетическому изслѣдованію можно установить слѣдующія положенія:

1. Если ученый избираетъ извѣстнаго проповѣдника предметомъ изслѣдованія, онъ тѣмъ самымъ ручается и за то, что избранный предметъ допускаетъ научную обработку.

2. Долженъ быть выработанъ научный типъ гомилетической біографіи: ученый долженъ касаться только такихъ подробностей въ біографіи проповѣдника, которыя имѣютъ прагматическую связь съ проповѣдями послѣдняго, или же признать научную невозможность такой біографіи.

3. Должно выяснитъ объемъ литературной дѣятельности того или другого проповѣдника, количество его изданныхъ и неизданныхъ произведеній.

4. Ученый долженъ быть чутокъ къ вопросамъ, связаннымъ съ критикою текста избраннаго писателя.

5. Методическіе приемы изслѣдованія, напр., такъ называемый референтный методъ и тѣ или другія точки зрѣнія, съ которыхъ разсматривается проповѣдническая дѣятельность, должны быть послѣдовательно примѣнены какъ къ одному проповѣднику, такъ и къ другому.

6. Обзоръ проповѣдей даннаго писателя долженъ имѣть своею задачею не инвентарныя цѣли, а выясненіе ихъ гомилетическаго типа, той гомилетической теоріи, которой проповѣдникъ держался, если не предполагается, что его проповѣди были случайными произведеніями его природнаго дара слова и потому никакими правилами не регулировались.

7. Если допускается, что данный проповѣдникъ образовалъ свой талантъ подъ вліяніемъ свѣтскихъ или духовныхъ ораторовъ его времени, это вліяніе должно быть и доказано.

8. Точки соприкосновенія между христіанскими проповѣдниками должны быть также выяснены научно.

9. Такъ какъ проповѣдь есть произведеніе искусства, то извѣстный субъективизмъ при оцѣнкѣ ея достоинствъ неизбѣженъ болѣе чѣмъ въ другихъ родахъ критики; тѣмъ болѣе, слѣдовательно, важно знать нормы для оцѣнки проповѣдей,—тѣ устойчивыя правила, которыя до извѣстной степени ограничиваютъ критическій произволъ.

Наконецъ, подъ безукоризненною техникою (бб) я разумѣю научное умѣнье дать ученому содержанію и наилучшее выраженіе, тщательную отдѣлку даже и мелкихъ деталей, ту обдуманность, которая сказывается въ самой внѣшности ученой работы,—то, что называютъ научною акрибіею.

Если все эти требованія въ полномъ объемѣ и не могутъ быть выполнены, то нельзя не желать, чтобы ихъ нарушенія были немногочисленны въ количественномъ отношеніи и достаточно мотивированы¹⁾.

¹⁾ Отзывъ о сочиненіи проф. Н. И. Барсова, 1889 г., дѣло № 33.

„Совершенно бесспорны права на существованіе тѣхъ ученыхъ книгъ, которыя устанавливають какіе нибудь новые тезисы, дотолѣ неизвѣстные въ наукѣ. Такія сочиненія всѣ признають за произведенія капитальныя, за труды *перваго ранга*. На ряду съ ними стоятъ и тѣ книги, которыя реабилитируютъ тезисы, въ исторіи науки не новые, но фактически давно позабытые, незаслуженно заброшенные, или даже прямо оспариваемые современными корифеями, какъ ложные. Въ такихъ сочиненіяхъ предлагается *новая аргументація* въ пользу старыхъ истинъ. Быть авторомъ сочиненія перваго ранга, внести въ научную сокровищницу новый тезисъ, есть благороднѣйшая цѣль, къ какой только можно стремиться каждому истинному ученому“.

[На дѣлѣ однако] „академическая практика послѣдняго времени, насколько она мнѣ извѣстна, никогда не предъявляла докторантамъ требованія, чтобы они въ своихъ сочиненіяхъ устанавливали какія-нибудь положенія дотолѣ неизвѣстныхъ ученымъ. Не только этого не требуетъ академическій *usus*, но уставъ духовныхъ академій не содержитъ параграфа, который рецензентамъ диссертаций, представляемыхъ на соисканіе степени доктора богословскихъ наукъ, давалъ бы право требовать отъ нихъ непременно научныхъ открытій.

Слѣдовательно, нормальнымъ типомъ такого рода диссертаций должно признать сочиненія *второго ранга*,—тѣ, которыя, не устанавливая новыхъ научныхъ положеній, не ставя предъ собою высшихъ задачъ, чѣмъ *cognitio cogniti* ведутъ изслѣдованіе предмета на высотѣ, современною наукою достигнутой, хотя бы просто полезными въ научномъ отношеніи для читателей, доводя до ихъ свѣдѣнія наиболѣе цѣнные результаты, которыхъ достигли другіе ученые, писавшіе о данномъ вопросѣ“¹⁾.

Вопроса о томъ, устанавливаетъ ли книга какіе-нибудь новые научные тезисы, „не предъявляютъ потому, что настойчивое „*quid novi?*“ оказалось бы роковымъ, вѣроятно, для 99% книжной производительности, и въ ученое мѣрѣ давно привыкли въ новой книгѣ не искать непременно новыхъ результатовъ, а довольствоваться талантливымъ сводомъ уже достигнутаго, въ которомъ не совсѣмъ исчезаетъ авторская индивидуальность“²⁾.

Съ другой стороны нужно признать въ принципѣ,

а) что отдѣльныя статьи, даже разрозненныя и незаконченныя, могутъ отличаться столь высокими учеными достоинствами, что не предпочесть ихъ единству законной диссертациі было бы несправедливо, и

б) что въ интересахъ самой науки даже желательнo, чтобы

¹⁾ Журн. Совѣта Слб. духовной академіи за 1895—6 уч. годъ. Слб. 1900 г., стр. 197—9.

²⁾ Архивъ Слб. дух. академіи 1889 г., дѣло № 33.

статьи и этюды преобладали надъ сочиненіями; потому что это даетъ возможность опытнымъ и зрѣлымъ ученымъ силамъ сберечь свой трудъ и время, посвящая ихъ рѣшенію вопросовъ дѣйствительно спорныхъ и трудныхъ и избавляя себя отъ непроизводительной, но въ полномъ сочиненіи (особенно курсѣ) неизбежной работы—повторенія другими добытыхъ результатовъ, изложенія фактовъ безспорныхъ и вполне установленныхъ“¹⁾.

И. Уберскій.

¹⁾ Ibid. дѣло № 33.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки